

Павла Элладского и Кирилла Скидопольского,
писателей VI столетия Жития Святого Феогния,
Епископа Витилийского,

изданное в первый раз с предисловием А. И. Пападопуло-Керамевсом и
переведенное Г. С. Дестунисом

Оп.: [Православный палестинский сборник](#). Т. 32. СПб. 1891

Сведения о Святом Феогнии сохранились только в печатаемых нами житиях его. По ним он родился в Каппадокийском городе Арарафии, приблизительно в 425 году. Приняв еще в юношеском возрасте на родине, монашество, Св. Феогний в пятом году царствования императора Маркиана (454—455), отправился на поклонение Св. местам Иерусалима, где был принят в монастыре Св. мученика Юлиана, основанном Флавию. Впоследствии та же Флавия поручила ему управление одного из монастырей, находившихся в Гефсимании. Избегая близости шумного города, Св. Феогний, по отъезде из Палестины Флавии и воспоследовавшей затем ее смерти, оставил вверенный ему монастырь и удалился сперва к Св. Феодосию киновиарху, но, не выдержав сурового климата Иудейской нагорной страны, спустился в Иорданскую долину, где поселился в Каламонской лавре. Вскоре стали собираться около его пустынной келии желающие воспользоваться его духовным руководством. Это обстоятельство побудило Св. Феогния соорудить близ своей пещеры небольшую церковь и монастырь ([Иоанн Мосх. Луг духовный. М. 1871, гл. 159](#)). По настоянию Иерусалимского патриарха Илии (494—517) Св. Феогний был поставлен епископом незначительного города Витилии ([Montfaucon. Bibl. Coisliniana. Pas p. 417 ошибочно называет Св. Феогния Кипрским епископом, что повторено Н. Omonf. Nouveau catalogue sommaire des manuscrits grecs de la bibliotheque nationale T. III](#)), в южной части Палестины. Пребывая здесь по делам церкви, Преподобный, [Ш] при первой возможности, возвращался в устроенный им пустынный монастырь, который он называл: царским дворцом. Св. Феогний, по делам своей епархии, дважды посетил Константинополь, раз в царствование императора Анастасия (491—518) и вторично в царствование императора Юстина (518—527). По возвращении из этого второго посещения Константинополя он, по обычаю своему, из Витилии посетил свой монастырь, в котором скончался 8-го Февраля 522 г. на 97 году от рождения. Память преподобного отца, как видно из надписания первого печатаемого нами жития его, праздновалась 15 Февраля. Наступившие, в начале VII века, для Святой Земли тяжелые времена и вероятно полное разорение основанного им монастыря были причиною, что имя Св. Феогния не встречается ни в Православных, ни в латинских синаксарях.

Оба печатаемые нами жития Св. Феогния сохранились, насколько нам известно, единственно в греческом сборнике, начала X века, Парижской национальной библиотеки (fonds Coislin, № 303, f. 184—206), писанном, как следует предполагать, в Иерусалиме, ибо в конце сборника, после жития Св. Синклитикии (f. 417) находится следующая припись, сделанная рукою переписчика сборника: ΕwV wde replhorhntai oi ek thV agiaV polewV para tou Arseniou tou Phgada ([Montfaucon. Bibl. Coisliniana f. 417 неправильно прочитал: twN Phgadwn](#)) exelhludoteV logoi — Здесь оканчиваются статьи почерпнутые в

Пигадой) сжегши в 1890 г. Эдесь окариваются статьи, по черпнутые в Святом граде блаженным Арсением Пигадой.

Первое житие составляет собственно слово, произнесенное над гробницею Преподобного отца, в его [III] монастыре и, как видно, вскоре после его кончины. Имя составителя этого слова в рукописи не обозначено. Мы сочли возможным приписать его Павлу Элладскому (Павел Элладский не был известен доселе как писатель и имя его не встречается в обширном труде Fabricius edit Harles. Bibl. graeca 4 edit. Это объясняется тем, что Монфокон в описании греческой рукописи № 303 Парижской национальной библиотеки по ошибке пропустил послание Павла Элладского) по нижеследующим соображениям:

Кирилл Скифопольский, писатель второго, помещенного в настоящем выпуске, жития, отсылает читателей (§ 5) к пространному житию Св. Феогния, написанному Павлом молчальником города Элусы. Иоанн Мосх в своем Луге духовном упоминает (гл. 159) об авве Павле, игумене монастыря аввы Феогния, и приводит (гл. 163) рассказ аввы Александра Каламонской лавры близ Иордана об авве Павле Греческом (Элладском), жившем в пещере. Составитель же первого жития говорит о себе (гл. 17), что он, оставив Элладу прибыл в Палестину. Наконец в тот же греческий сборник, где помещены оба жития Св. Феогния, внесен (f. 229^b—232^b) как следует предполагать, не без умысла, окружное послание Павла Элладского, отрывок из которого, касающийся топографических сведений одного из Палестинских монастырей, мы сочли не бесполезным поместить в конце настоящей книги.

Второе житие Св. Феогния, более краткое, но сообщающее некоторые биографические сведения, не встречающиеся в первом, написано Кириллом Скифопольским (H. Usener. Der heilige Theodosios. Leipzig. 1890 pp. XI—XXIII.), писателем VI века, известными составленными им житиями великих Палестинских подвижников: [IV] Св. Саввы, Евфимия, Феодсия, Кириака и Иоанна Молчальника.

В заключение мы считаем долгом высказать искреннюю и глубокую благодарность г. Л. Делилю, директору Парижской национальной библиотеки, обязательно доставившему в наше распоряжение необходимую нам для настоящего издания рукопись.

А. Пападопуло-Керамевс.

29 Апреля 1891 года.

ПАВЕЛ ЭЛЛАДСКИЙ

1. Месяца февраля 15.

(Павла Элладского, бывшего исихастом в Элеусе)

ЖИТИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО ФЕОГНИЯ

подвижника и отшельника, бывшего епископа Витилийского.

1. “Ла воссияет свет ваш пред челоуеками ла узрят добрые дела ваши и прославят

1. Да воссияет свет ваш пред человеками, да удержат добрые дела ваши и прославят отца вашего, иже на небесех” ¹: так заповедал ученикам своим Царь славы Христос. Посему они, усердно восприяв божественную заповедь, с избытком озарили всю подсолнечную молниями своих чудес, и безупречно исполнив возложенное на них служение, и спои драгоценные талеса, те богозданные орудия, которые древний закон назвал “кожи овни червлены”, оставив на земле. как некогда оставил свою милость оный пламенный пророк Илия, отошли с радостью к Творцу всяческих и смело предстали пред несотворенный царский престол. Однакож не одним только апостолам дано было — веровать в Бога и исполнять его заповеди, и получать за свои труды и подвиги награды [28] от десницы Вседержителя, но и последующим за ними ученикам и подражателям Слова. Так Павел, великий Христов провозвестник, изливавший на церкви медоточивые струи благочестивого учения, желая это изобразить, говорил: “подвигом добрым я подвизался” и далее: “впредь предстоит мне венец правды, который воздаст мне в оный день Господь, праведный Судия, и не только мне, но и всем, возлюбившим Его явление” ².

2. Посему и Феогний, Каппадокиянин, от молодых ногтей прилепившись к любви Господней, исполнив Иеремино слово “я безустанно последовал за Тобою”, украсив себя добрыми делами, и пропитав благоуханием безбрачия и всех прочих богоугодных деяний как свою душу, так и всех своих знакомых, “изменив крепость”, по выражению Исаяи, и оперившись подобно орлу, и радостно освободившись от уз телесных, отлетел на небо и оставил последующим поколениям память о себе, как о некоем столпе света. И так я, помышляя об упомянутом дивном муже, как неоскверненно и чисто он жил, каким был смиренномудрым, и о том, как он денно и ночью с великою скорбью в сердце и обильными слезами умилоствлял Господа в пользу согрешающих, и в каких он с недавнего времени пребывает неизреченных и вечных обителях, и нетленных чертогах купно с ангелами, и раздумывая о собственном моем нерадении и о бездне неугасимого пламени и о тех нескончаемых муках, которым ожидаю быть преданным, я был намерен ныне пред вами безмолвствовать, ибо закон постановил, чтобы уязвленный [29] грехом покрывал свои уста покровом молчания, и заключить себя в темный вертеп и непрестанно плакать и рыдать. Ведь я знаю, о! знаю, да и совесть обличает меня, что я путь нынешней жизни проходил нерадиво, и пренебрег словом, советовавшим мне отводить ноги от “путей неровных” и идти “гладкими” ³. И все же я дабы не огорчить и не опечалить вашего возлюбленного и почтенного собрания и сошедшихся здесь для поминок преподобных мужей, попытаюсь сказать хоть малое вместо великого и немногое из многого, рассеяв облако уныния глубочайшим вздыханием.

3. Теперь, когда уста исполнены воспоминанием о Феогнии, этом всеми возлюбленном (благоуханном) мире, да усладится и возликует сонмище небесных звезд, земля да возрадуется и да улыбнется воздух, в особенности при сорадовании сил бесплотных о памяти сего человека Божия, которые когда видели его подвиги еще в здешней жизни его, удивлялись тому, как этот облеченный в плоть человек сопротивлялся воителям бесплотным, как этот простой и жалкий и неимущий и

бил и спутывал, топтал и полонил начала и власти, миродержавцев тьмы и духов злобы. Родина его была Каппадокия, и в этом крае он еще в детстве облекся в монашескую одежду. Пробыв здесь некоторое время в тишине и в подобающем инокам поведении, он услышал, как Господь в Писании вещал патриарху Аврааму: “Выйди из своей земли и от своего рода и иди в землю, которую тебе укажу” ⁴. И вот тотчас по получении повеления так поступить, он отрывает себя от своей родины, приходит [30] в Иерусалим для моления у Святых мест, и там был принят благоговейными мужами в монастырь именуемый Флавию. И здесь проживая, он держался своей обычной тишины и кротости, принося пользу всем сожителям, и ни разу никого не введши в соблазн.

4. Вскоре христоробивая жена, построившая сей монастырь, упростила и

4. Вскоре христоролюбивая жена, построившая сей монастырь, упростила и уговорила его принять на себя попечение о его управлении. Этот монастырь находится вне Святого града на месте именуемом Гефсиманией. И сей муж заботился подобающим образом об упомянутом монастыре и проживавшей в нем братии. Впоследствии, почувствовав себя тревожимым и пожалуй отрываемым от бестревожной молитвы к Богу и божественного собеседования, при обилии всего потребного и при беспокоестве, наносимом постоянным посещением иноками и мирянами монастыря, так как он был воздвигнут близ города; он убоился, как бы от частой тревоги и от множества удобств, в особенности же и от больших похвал прославляющих его людей, не ослабеть ему разумом и не сделать и не помыслить чего-либо недостойного высшего призвания. Вот он прибегнул к одному из старцев, умевших распознавать помышления и ему раскрыл тайну свою. Старец дал ему такой ответ: Люди, желающие хранить свою душу в непрерывной преданности Господу, каким и ты мне кажешься, не опутывают себя делами, и хотя, по-видимому, монахам имущество и полезно, но предоставив это людям и на то и на другое способным, могущим без вреда принять на себя заботы, они по приобретении добродетели безмятежности, сверх того стараются уклониться от разговоров большинства, для того чтобы светильник [31] не покрылся тенью ложа или модия, так как ложе и модий символы нерадения и суетливости, и светящий свет нередко угасал от внезапного напора сильного ветра.

5. На это Феогний сказал: Очень мне понравился совет твоей святой души; но я боюсь скорби и трудов. А старец ему: Если ты будешь искать пустыню, влекомый любовью к самому Богу, а не из тщеславия; то ищи скорби, и найдешь покой; а ища покоя, будешь охвачен скорбями. Услыша это блаженно усопший облобызал старца и ушел в пустыню, и прилепившись к боголюбезному и преподобному архимандриту Феодосию, мужу прославленному, жил с ним известное число лет. Потом настало какое-то искушение; появились у Феогния на пальце нарывы, которые сильно воспалившись, лопнули, и каждый день из того места выступало много крови. Когда он этим был опечален, то некто опытный в подобных вещах дал ему такой совет: Так как нагорная сторона очень холодна, а болезнь, которой ты страдаешь, нуждается в более теплом воздухе, то спустишься к краю Иорданскому и, там пробыв, ты через несколько дней выздоровеешь.

6. Спустившись туда, он поселился в лавре Каламонской (Тростниковой) и вскоре избавился от боли. Он с любовью привязался к пустыне и молитвам. Еще до появления Феогния страшный змей привык гнездиться в той пещере, и после сна выползать из нее в пустыню, и потом опять возвращаться в нее из пустыни. В первый же день, когда блаженно усопший получил от игумена келию, этот змей увидал его сидящим внутри, держащим короб и трудящимся; ибо он до кончины своей не оставлял трудов, и во [32] время труда, если только никто его не тревожил, слезами орошал все свое рукоделие. Когда зверь выставил голову в дверь, а остальное тело держал вне келии и, пребывая неподвижным, только глядел на Феогния, то покойник сказал ему: Если ты привык здесь жить, войди; не препятствую. Тогда змей и весь вполз в пещеру и свернувшись в одном углу спокойно улегся.

7. С того дня змей, когда желал, входил в пещеру, причем Святой оставался безбоязненным до его ухода оттуда. Впоследствии по благодати промысла Феогний, вышед из Каламона, занял эту местность и найдя пещеру поселился в ней одиноко, утоляя голод малым куском хлеба и несколькими рожками, а жажду чашей воды, и ведя постоянно сильную битву с демонами, воюющими посредством нечистых помыслов. И он был во истину как светильник в пещере, предавался подвигам; выдерживал посты, спал на голой земле, плакал, бодрствовал, часто преклонял колена и исследовал изречения духовные. Я думаю, он был тогда на пятидесятом году жизни. Многие приходили к нему, желая получить пользу, ибо молва о нем распространялась и каждый из приходивших пали разных скорбей возвращался от него с чувствами душевного назидания и

ради разных скорбей возвращался от него с чувствами душевного наказания и полного утешения.

8. Одну ночь обманщик наводит на него помыслы робости и за сим при глубоком мраке показывает ему будто Сарацин, обнажив меч, грозит ему, если тотчас не выйдет из пещеры, отсечь ему голову. Исполненный страха этот муж выскочил из пещеры и стал молить Бога сотворить полезное. И немедленно появился к нему ангел и сказал ему строжайшим голосом: Нисколько не робей; войди в пещеру без **[33]** всякого страха; ведь это вовсе не Сарацин, как ты полагаешь; это дух нечистый, принявший на себя образ Сарацина. И мгновенно покидает его робость и он почувствовал смелость и неизреченную радость, а демон исчез.

9. Когда разнеслась молва о превосходном житии этого мужа, пришли к нему мужи христоролюбивые и сильно его уговаривали построить небольшую башенку; что и было исполнено. Многие пожелали проживать вместе с ним, но он никак не соглашался сожительствовать с множеством людей; но, приняв немногих, пребывал с ними, совершая в страхе Божиим, службы обязательные для аскетов. По прошествии времени, по внушению некоторых лиц он был насильно понужден занимавшим в то время в Иерусалиме патриарший престол сделаться епископом церкви в Витилии. Это очень малый городок, находящийся в девяноста милях оттуда. Часть времени проводил он в том городе, а другую часть, приходя сюда с любовью, проживал со своими чадами. И эта церковь сперва построена была малою, но потом, лет за десять до кончины Святого увеличилась, почему тогда и число благоговейных, по воле Божией, умножилось. Келия, в которой этот блаженный, приходя из Витилии, имел обыкновение временно проживать, очень мала и до того низка, что если бы входящий в нее не обратил внимания, то ударился бы черепом об потолок.

10. Итак, приходя сюда из равнины и входя в означенную келию, он простирал руки, благодаря Бога, и потом говорил: Радуйся царский дворец; я в правду считаю дворцом это мое старинное жилище. И подобно человеку обуреваемому среди великого **[34]** моря и спасшемуся от бури, так и я прибегаю к пристани этой келии; дабы возмочь возвратиться к прежнему настроению разума. Однажды один из братьев осмелился ему сказать: Сам-то ты, отче, при такой старости и по покорении в себе всех сопротивных страстей, уже не можешь, я думаю, иметь перед своими глазами душевного вреда, но и в своем городе и здесь сохраняешь одинаковое состояние (духа). Тогда сказал ему инок: “Верь мне, чадо, до тех пор, пока душа моя не разлучилась с телом, я не в безопасности, нет во мне смелости; ибо мы облечены в плоть и проходя посреди разных западней, боимся быть пойманными.

11. В лета царя Анастасия жители Витилия удостоили великого (подвижника) отправить на судах по общественному делу в столицу, и он, взяв его на себя, с несколькими братьями выехал в Византию. Прибыв в столицу и представившись царю, он после обычного приветствия поднес ему три благословения, сложенные в плате; царь спросил: Что ты желаешь, монах, чтобы я удержал, одни только благословения или же и плат, под ними подостланный? А тот отвечал царю: Если тебе нравится плат, охотно тебе дарю его. На это царь усмехнулся, и расцеловав его, с удовольствием принял поднесенное ему, и узнав все обстоятельства дела, ради которого старец подвергался беспокойству, очень скоро его удовлетворил и через несколько дней со всякою честью и напутствием отпустил в Витилий. Все исцеления и чудеса, явленные тогда в Константинополе человеколюбом Богом через него, ибо очень многие из проживающих там знают о них, я умалчиваю, предоставляя другим о них повествовать. А из совершившихся **[35]** в Кесарии, Аскалоне и Газе, хотя о большей части их и не упомяну, но теперь же расскажу очень немногие из них.

12. В Маюме Газском верными людьми были построены и на побережье надлежащим образом изготовлены два судна; но когда их хозяева пожелали

надлежащим образом приготовлены два судна, но когда их хозяева пожелали стащить их в море и призвали для этого огромную толпу людей, то не могли никак их сдвинуть; потому что суда были задержаны какими-то заговорами по злоумышлению худых людей. После усиленных стараний множества народа в продолжение многих дней, подвергшись несказанным убыткам, они впали в отчаяние и не знали, что им нужно делать. Один добрый человек надоумил опечаленных; блаженный был вызван и, пришед на самое место, он противопоставил оружие молитвы чародейству злых; обошел кругом олкады два и три раза и, призывая имя Христа, он приказал всего тридцати работникам взяться за каждое судно и тащить их в море. Когда один из владельцев возразил, что он в предыдущие дни, приставив двести крепких человек, нисколько не мог помочь делу; как же теперь может тронуться судно при помощи всего тридцати человек; то старец ему сказал: сделай, как я сказал и много не разговаривай. После этих слов он тихо пошел к своему жилищу, а судовозяева, исполнив приказ, в несколько приемов легко и скоро стащили суда. Вмиг страх овладел всеми присутствующими и они, добежав до гостиницы старца, робко приветствовали его как одного из славных апостолов и поднесли ему дары. Между ними находилась и одна боголюбивая женщина, которая уже давно, схоронив одного из близких, и плача с неутешным сердцем над могилою [36] покойного, нажила себе на глазах бельма и совсем перестала видеть окружающие предметы. Она услышала о делах праведника и, отдавшись его руководству, она идет к нему поспешно, и с плачем, обняв его голову, начинает отирать глаза о чело старца, и когда бельмо сошло, мгновенно стала видеть. Множество людей были поражены необычайностью чуда и воскликнули: Слава тебе, Господи, творящему чудеса. И такое количество людей обступило его и целовало все члены праведника от головы до ног, что они скоро задушили бы его, если бы он, ободрившись, не снял с себя наскоро омофор (pallion) и не оставил его в толпе: а сам вскочил в диаконик одного мартирия и избавился от тяготы.

13. Еще и в Кесарии: от какой-то болезни грудь у жены правителя опухла и сделалась как мешок. После того как все местные врачи придумали тысячу средств и не могли излечить, и этот недуг исцелил покойный Феогний тремя коленопреклонениями и потоками слез и помазанием благословенным елеем.

14. О чуде совершенном им в Витилии узнало не только все побережье, но почти и весь Египет, Киликия и Каппадокия, да и до самой Византии дошло известие о том. Ближнее море, выступив из своих пределов, нагрянуло на этот городок (целыми) фалангами свирепых волн, угрожая сильным своим напором стереть его с основания и уничтожить. Это совершалось решительно по Божию домостроительству, дабы и согрешающие посредством страха умудрились и дабы еще более прославлена была дарованная праведнику благодать. У всех жителей тех мест и руки стали дрожать, и ноги подкашивались, когда они видели как постепенно все больше и больше возрастает [37] посетивший их Божий гнев. Поэтому они с сильным плачем умоляют служителя Христова молитвою прекратить порывы моря. Старец встал и пошел вместе с ними, и дойдя до какого-то места, воздел на молитву те чистые свои руки, и веруя в Бога, рекшего “пока ты еще говоришь, вот я тут”, и водрузив в том месте крест, сказал присутствующим такие слова: Так как мы постоянно пользуемся пособиями Владыки, посему, сколько бы море ни ярилось, оно будет доходить только до этого креста. Итак живите впредь без страха, чада мои, страшась только греха, и нисколько не боясь угроз моря. И с той поры до сего часа слово праведника, силой Господней утвержденное, и пребывает неповрежденным, ненарушимым, неослабным.

15. Вздумал он некогда посетить нас опять и объявил свой помысел бывшим при нем людям. Он тогда находился во Святом граде и видит он во сне, что сатана ему говорит: Ты намерен на время посетить свою мандру (обитель) и этому радуешься. Я же радость твою в печаль обращаю.

Он выехал из города на осле очень рано, с двумя следующими за ним людьми, и когда они доехали до того места, что напротив обители блаженного Аввы Евстафия, животное правою ногою поскользнулось, а инок скатился и повалился в лежащую у дороги канаву, и тут же переломил себе ногу. Братия спустились туда и нашли, что осел поднялся и стоит, а старец лежит слабый и тяжело дышащий от боли, причиняемой переломом. Один из следовавших за ним, имея на руках плат, тотчас перевязал ногу старца; они посадили его на животное и с печальными лицами привезли его к нам. Так-то пришлось ему [38] от боли часто стонать, а нам всем вместо радости быть в печали. Потом мы из города пригласили человека, умеющего лечить переломы. Он прибыл и, исполнив как следует все, что было необходимо, остался там полтора дня и затем уехал. Он сперва обвязал переломленную ногу тростником, и приказал ему в продолжение многих дней вовсе не двигаться. Он (сверх того) велел под продырявленную кровать подложить сосуд из раковины, для того, чтобы ему можно было, лежа в постели исполнять нужду. А для чего Вседержитель Бог попускает временно сатану мучить избранных, это да будет разобрано в другое время. На второй день он оставался без движения среди сильных мук; на третью же ночь без шума предстал ему ангел и, сняв простыню, которою он был покрыт, тогда было лето, сказал тихим голосом старцу: боль твоя прошла, ничего не бойся; ты здоров. Сказав это и устранив боли, ангел от него ушел. Тотчас созвал нас великий и рассказал о происшедшем; он попытался передвинуть ногу и был в состоянии это исполнить. Приняв сидячее положение и взяв палку, без боли стал свободно ходить; впрочем страх прежней боли заставлял его немного прихрамывать. Он через несколько дней отправился в Витилий, а мы все с врачом, тем самым, который лечил перелом, вознесли всецельному Владыке Христу благодарственные гласы за чудесное и скорое выздоровление великого.

16. Теперь надо рассказать еще и другое чудо. С того дня, как врач стал его лечить до посещения ангела, все видели, как прекрасная голубица, то летала по воздуху в обители, то спокойно садилась в ногах преподобного у находившегося на востоке окна; [39] до тех пор, пока великий не облегчился от болей, а после этого та голубица стала невидима. Великий о ней сказал: Не удивляйтесь, чада мои, тому, отчего ее не видно: она ушла помогать другим.

17. Александр, честная жемчужина нашего поколения, бывший схоластиком в Аскалоне, и сопричисляемый к добродетельным и пустынелюбивым отцам, которого искренно любили не только верные, но и неверные за доброту и благость его нравов и деяний, в то прежнее время, как я, оставив Элладу прибыл в Палестину и, беседуя с этим мужем, спросил его: куда мне следует отправиться, так как я нуждался в пользе душевной, отвечал: Побеседуй с Кир Феогнием и вправду получишь пользу; а если тебе понравится остаться навсегда в его монастыре; то будешь мне благодарен за добрый совет. Беседуй с Феогнием и руководимый таким мужем к жизни, ты познаешь Бога. Добрый пастырь Эмилиан, как я слышал, немало умастил твою душу во страхе Божиим. Если же теперь ты увидишь господина Феогния, ты будешь еще безопаснее: ибо этот муж большею частью беседует о смирении. А так как род человеческий по своему тщеславию легко увлекается гордыней, поэтому мы нуждаемся в учителях, не пустыми словами, но и делами своими обрабатывающих наилучший плод смиренномудрия. Оный Иаков, противоборец страстей, подобно своим предкам подвергся обрезанию ⁵; так и мы должны соревновать по духу сему патриарху, отрезывая от себя плотскую похоть железом воздержания.

18. В другое время некто “прикоснуса широте [40] стегна его” и она немедленно “отерпе” ⁶. Так и для нас полезно, на подобие того прикосновения, воспринимать в себя слово о смиренномудрии, которое к нам прикасается и образует внутреннее расположение (настроение), для того, чтобы через слово сие выступили из нашего нутра “широта” и, разлив неразумного высокомерия, и чтобы ум наш, придя в

себя, возмог сознать свои размеры и преуспевать во Христе, уничивившем себя ради нас, поработившем себя собственным рабам своим и спасшем сынов человеческих от позорного порабления демонам. Он-то и тебе, рабе Божий, прибегающему к нему и стремящемуся к нищете и отчуждению, благосклонно отверзет двери своего милосердия. Феогний, отрезав сам собою при содействии Высочайшего существа корни и питателей всех прегрешений (я говорю о похоти и тщеславии, которые подобно двум драконовым головам многих губят), владыка Феогний, миро иноков, он-то моего брата Андроника избавил от дизентерии и от несказанного смрада. Он-то, против всякого чаяния восстановил и совершенно утратившего надежду на выздоровление сына того христоролюбивого Элиана, что был схоластиком в Газе. Он и есть тот, кто молитвою своею приносит чадородие женам неплодным.

19. Некогда злые люди в полночь взломали дом добродетельного человека и затем собирались утащить найденный в нем скарб; но ангелоподобный Феогний, явившись к спящему глубоким сном домохозяину и разбудив его, воспрепятствовал воровству и отдал подкапывавшихся под стену людей в руки благочестивого мужа.

20. Один давний подвижник, немало вмещавший [41] в себе высшего разума, проживая в моем доме, подвергся какой-то противной болезни, я же старательно приводил к нему всех городских врачей, и хотя много потрудился для его исцеления, но все же не мог ему принести пользы. Я сильно горевал слыша пронзительные крики и громкие стоны подвижника. Некоторые из знатных лиц города и из самих Эллинов, совершающих в Аскалоне жертвоприношения и возлияния, знавших и прежде этого подвижника, приходили его навестить, но не были в состоянии нисколько способствовать его излечению, и, соболезнуя страдальцу могли только плакать вместе с ним. Вскоре, однако, когда великий проезжал через Витилий, я задержал его и попросил ⁷потому что он вовсе не был сребролюбом, а более всякого другого милосерд, сочувствен и человеколюбив.

21. Вы конечно знаете Антипатра, который прежде имел власть дука: он был жесток и очень дерзок, как говорили выдавшие его в ту пору в городе; я же, проживая в пустыне, не видал этого человека в лицо. Один клирик Витилиянин, обвиненный в каком-то преступлении был отправлен к дуку и по его приказу посажен в тюрьму; он думал, что ему угрожает смертная казнь. Когда все друзья в страхе от него отступились и никто не мог или не желал прийти на помощь, покойный Феогний по собственному побуждению решился по этому делу походатайствовать у дука. Многие его удерживали, говоря: Из уважения к самому себе, отче, останься на своем месте: ведь если ты по этому делу пойдешь к Антипатру, то воротись [42] сюда оскорбленный не по достоинству. Такое уж у этого человека обыкновение постоянно бесчестить добродетельных мужей. Инок говорит: Я до этого дня не искал чести от людей: итак постараюсь по милосердию Христову освободить от печали этого человека, задержанного по нежданной напасти; и если за это я подвергнусь бесчестию и оскорблению, — не стану печалиться, даже порадуюсь. Сказав это, он идет к дуку. Издали завидев его приходящего, дук поспешно вышел ему навстречу, обнял его и искренно облобызал, а старец тогда же попросил его о заключенном в тюрьме арестанте. Дук же сказал ему: Останься здесь отче; пусть сперва нам подадут обед, и я получу благословение трапезы от ваших рук, а потом я сообщу вам дружеский ответ. Так и вышло: один возлег на том конце ложа, а другой на этом, и кушали. Во время обеда Антипатр побожился ужаснейшею клятвой, и сказал: За много дней перед сим Христос явил мне честный лик твой: как теперь вижу, что ты со мною кушаешь и что-то мне говоришь. Так что я сильно желал вас видеть телесными очами. Вот мое желание исполнилось и я получил ваше благословение, поэтому пусть и ваш клирик будет теперь же выпущен из тюрьмы, от сего часа и навсегда, не опасаясь никакого обвинения. Получив клирика от

22. Я много раз видал покойного облитого слезами и молящего Бога обо всем мире. О если бы пришлось и нам поднести судье чашу покаяния растворенную плачем и неизреченными вздохами, да соучаствуем сим способом в ликовании праведных [43] в веке грядущем: ибо мы видим в евангелии смеющихся горюющими, а плачущих ублажаемыми. Я узнал, что когда упомянутый муж после долгого и напряженного славословия погружен был в сон, то и во время сна уста его шевелились и пели псалмы. Все сии добродетели он хвалил и прославлял, а в особенности нестяжательность и воздержание в пище, и удерж от пустословия и охранение ума в священных поучениях, для того, чтобы посредством их можно было каждому ежедневно — стяжать слезы. Он часто наставлял покорствующих ему такими словами: Если кто не будет ревностно пресекать страстей своей души пламенем таких слез, тот не возможет стяжать и любовь, а в этом исполнение закона.

23. В начале царствования Юстина опять по какой-то надобности прибыл он в Константинополь и был прославлен превыше всех там находившихся епископов. Случилось, что от некоторых синклитиков, весьма его почитавших, сам царь узнал о добродетелях этого мужа, и исполнил ту просьбу, из-за которой он приехал в Византию. Оказав святому, вместе со всем синклитом, величайший почет, он отпустил его с уважением. Здоровый и радостный приплыл он в Витилий, и, приехав сюда, приветствовал чад своих и опять в свой город поспешно возвратился. Потом в скором времени опять приехал к нам и, когда мера его жизни была исполнена, переплыв страшное море привременного бытия, он как добрый кормчий и вместе судохозяин спас в пристани Христовой судно богатой, исполненной добродетелей души: он возвратил персти перст, а дух, как чистое золото, сложил на руки Спасителю, совершив девяносто семь годовых [44] оборотов до восьмого дня месяца Февраля индиктиона пятнадцатого.

24. При кончине преподобного настало бездождие; вместилищу, содержащему в себе дождевую воду, предстояло иссякнуть, и братия за недостатком пития собирались уехать; но через одну неделю после телесной кончины великого, набежала с запада великая, полная дождя туча, которая лишь немногими каплями оросила те места, по которым пронеслась; а пришед сюда и остановившись над горою, пролилась таким обильным дождем, что трубы, по которым обыкновенно протекает вода, не вмещающая в себе порыва дождя, растрескались; то, что нам было достаточно, влилось в водоем; а излишек, спущенный за стену руками братии, туда и сюда разошелся. Они предусматривали, как бы эта неизмеримая громада воды, стекшись внутри их жилищ, не загноила оснований монастыря.

25. Вот это случилось семь дней по успении преподобного. В самый же день, когда Божий служитель исшел из тела, сбежалось сюда бесчисленное множество народа. На четырнадцатидневное потребление келарь имел хлеба только от двух печей, которым могли продовольствоваться одни лишь наши подвижники. Между тем и вся толпа, здесь сошедшаяся, пообедала и все насытились; а излишние куски хлеба нами собранные удивительным образом оказались достаточными бывшим с нами отцам еще на две другие недели.

26. Недолго спустя один купец, прибывший в Святой град на короткое время для молитвы, объявил жителям, что за два месяца перед тем он находился в море и плыл вдоль земли, и увидел [45] стоящий над морем тифон, и услышал, равно как и матросы, голос говорящий: Почерпни скорее воды и отвези в монастырь Феогниев. Горожане, услыша этот рассказ, узнали, что вода прежде нам дарованная услугою тучи, она-то и была та самая, о которой объявил этот человек. Поспешно сюда прибежав, они сообщили сказанное.

27. Ты же, отче Феогние, многотрудное, полное крушений и всякой заботы, море

переплыв, и вошед в то безмятежное житие, покоишься на несметные веки среди нетленных радостей и нескончаемых ликований; а мы еще плавающие по морю человеческой жизни, ежедневно испытываем тревогу, колебание и солоность многочисленных волн, и доселе не ведаем, каковую обретаем кончину жития нашего. Обретаемся ли в делах благочестивых и праведных, или же застигнуты будем в делах противных добродетели страшными ангелами, требующими нашу душу. О как суетен настоящий век! о услада, наполненная всякими горестями! О обман и великое осмеяние! Мы не брежем всехвальную и славную добродетель, и добровольно, разинув рот, блуждаем около предметов непостоянных и подлежащих разрушению.

28. Феогний на небе создал себе град из квадратных камней; мы же здесь, по злобе врага, строим жилище из возведенной в квадрат порочности и из помыслов отводящих нас от полезного и совершенно бессмысленных. Обратившись в друзей богатства, градского шума и тленных вещей, мы отчудили и отстранили себя от любви к наилучшему. Мы пустословы и лентяи, ропотники и воркуны. Кто-нибудь сказывает речи мирские и позорные, нисколько душе не приносящие пользы, а скорее вредящие, и мы все [46] с открытым ртом усердно слушаем худые речи, бодрствуя во зле. Нередко предлагает кто-либо слово покаяния и

спасения, и мы, четыре или пять раз зевнувши и выпустив изо рта звук все вместе, словно верблюды, и почесав ногтями бороду, засыпаем сном глубоким и похожим на смерть, накрепко заткнув уши сердца своего, как бы душеполезное слово незаметным образом не зашло в сокровищницу разума. Наказывает нас напастями, а мы и знать не хотим. Нас уведомили о нашествии в разных местах варваров, а мы притворяемся, что этого не знаем. Случились ли перемены, перевороты, убиения, с мужами богатыми и знатными и по знаменитости своей почти равными царям, или землетрясения и пожары, смуты в разных городах и их разорение, причем угодно Богу через потерпевших эти бедствия устрашить нас еще не пострадавших; мы все сильнее и сильнее хворая безбоязнию, остаемся неисправимыми и все увеличиваем нашу злобу.

29. Прошу, умоляю, да не будем застигнуты смертью в таком настроении, да не пребудем до конца в нехороших привычках своих и в худых помыслах, но изменим свое житие на самое лучшее, твердое и угодное нас призывающему Богу поведение, дабы в то время, как другие возлетят к небу, как ангелы, нам не быть жалостно унесенными в бездну огненную! Рассмотрим в точности прежде происшедшее и ныне происходящее и имеющее произойти. Многочисленные тучи саранчи и других вредных насекомых совершенно истребили произведения земли; иссякли ключи, пресеклись дожди, настигли голод, чума, мор на людей и на скот, и коротко сказать тысячи Богом посланных бичей, как некогда на Египтян, дабы мы, устрашившись [47] или устыдившись склонились к покаянию и исцелили свои язвы; а мы, жестокосердые, не хотим хотя бы немного умилиться, ни изменить к лучшему худые привычки, в которые мы впали, но тремя способами подражаем свиньям. То, сомкнув очи сердца нашего и уничтожив преграду божественных заповедей, мы осуждаемся как их нарушители, стремясь к настоящему и не желая даже вспомнить о грядущем; то охотно валяемся в тине любостяжания, себялюбия и любопрения, и во всю жизнь не желаем подняться к небесам око нашей души, ни допустить мысли о небесных тайнах, но всегда занимаясь земным и склоняясь к низменному, окажемся пожалуй более несчастными и жалкими, чем упомянутые свиньи. Ведь они-то после смерти ни воскресения не получают, ни на суд не пойдут; но горе нам, почетно наделенным разумом и получившим великие обетования, и призванным к жизни вечной и ангельской, и спешащим предстать с большим бесчестьем, чем существа неразумные! Мы Богом пренебрегаем, мы людям не сочувствуем, презираем томящихся, не заботимся о непрерывных молитвах и песнопениях, называем себя верными; а совершаем дела неверных. Когда ты услышишь, о некоторых людях, что они страдают от неправимых бедствий, не говори, что они одни согрешили, и за это наказаны; ты лучше помысли о том, что они нередко наказываются для тебя, чтобы тебе

можно было, узнав об их язвах, вразумиться, не подвергаясь язвам. Ты сам собою даже и воздохнуть не желаешь. Я сижу в пустыне, а ум мой видит города, замышляет о каких-нибудь торговых оборотах, бегаёт из переулка в переулок и заводит разговоры. Я вошел в церковь поднести моление [48] о прегрешениях; ведь приближающемуся молитвенно к Богу вовсе не следует помышлять о мирском: я же, раб, негодный, в ту пору как молился, когда должно было в страхе и трезвенно воссылать горе свою беседу, сосчитал висящие лампы и престолы стоящие в доме молитвы, исправно исчислил доски потолка вместе с находящимся под ними стропилами, пядями измерил четыре стены и пол дома молитвы, и отложив пользу, даруемую мольбою, я пожал вред, происходящий от худой рассеянности. Кто же не оплачет этой дремоты скорбной души.

30. Однако для того, чтобы излишним распространением этого изложения не возбудить, пожалуй, негодования, я перестану выставлять заблуждения души, предоставив себе самому и состоящим при мне подвергнуть себя ныне обличению собственной своей совести, я на тебя перенесу речь свою, на тебя, наилучшего пастыря, о венчанный и богоносный Феогний. Я много раз слышал в Писании, как один богач жалостно говорил: “Отче Аврааме; помилуй мя и пришли Лазаря, чтоб омочил перст в воде и освежил воспаленный мой язык”. Но просьба его вовсе не была исполнена, ибо он уже был отрешен от дел человеческих. По исходе из жизни покаяние не имеет действия; дверь человеколюбия для не восхотевших здесь раскаяться немедленно закрывается. Пока от меня не потребован долг моего духа, и пока душа моя еще живет в этом тленном сосуде, если вознесу глас плача, полагаю что буду помилован. Отче Феогние, помилуй меня, до грядущего гнева, уже достаточно попаленного пламенем своих согрешений, помилуй меня и умоли Господа обо мне: ибо я верю, что ты снимешь прегрешение [49] с того, кто постоянно вопиет и говорит: “Просите и дастся вам; толщьте и отверзится вам”⁸. Если же ты не дерзаешь один подойти к Владыке, то возьми с собою, отче, всех Святых, любящих тебя, и купно с ними поднеси просьбу за нас благоутробному Царю: ведь праведники сочувствуют и весьма сочувствуют облеченным плотью, так как они и сами некогда были во плоти. Ты видишь нас всегда, отче Феогние; ты постоянно о нас печешься. Ты теперь легок, сложив с себя мглу и тяготу плоти. Перенесись через бездну, утвержденную между живыми и мертвыми. Приди к нам, паря на крыльях добродетели, которой ты прежде последовал, принося нам божественные дары. Обнажи нас от богатства нашей злобы. Облеки нас в незримо сияющий наряд, сотыкаемый всемогущею благодатью Божией, нами испрашиваемой. Одна искра твоей молитвы возможет испепелить необозримые склады грехов. Очистимся от брения прегрешений; исправимся и спасемся молитвами твоими и преподобных и всех избранников, чтоб иметь ответ в оный страшный день, когда придет Бог с тысячами ангелов судить праведным судом, и отверзнут благочестивым врата своего царствия, а на грешников, не восхотевших покаяться до самой кончины, излить источники и хляби огненные, ибо в Нем власть надо всем и ему следует и подобает от всех поклонение, Отцу и Сыну и Всесвятому Духу, ныне, и присно.

Комментарии

1 Ев. Матф. 5, 16.

2 2 к Тимоф. 4, 7—8.

3 Ев. Лук. 3, 5.

4 Быт. XII, 1.

5 Бытия, 32, 28.

6 Бытия, 32. 25.

7 Здесь не достаёт последнего листа 28-й тетради. Следующее после пропуска слово **eceirizonto** мы оставили не переведенным, так как не знаем того предложения, к которому оно примыкает.

8 Ев. Матф. VII, Т. Ев. Лук. XI, 3.

КО ВХОДУ В БИБЛИОТЕКУ ЯКОВА КРОВОА